

С К А З К А

о

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею проснулся,
Въ путь - дорогу снарядился,
И Царица у окна
Съла ждаць его одна.
Ждепъ - пождешъ съ упра до ночи,
Смопритъ въ поле, инда очи
Разболълись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи,

Не видашь милова друга!
Только видишь: вьется вьюга,
Снѣгъ валился на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходишь,
Съ поля глазъ она не сводишь.
Вошь въ сочельникъ въ самый, въ ночь
Богъ даетъ Царицѣ дочь.
Рано ушромъ гостъ желанный,
День и ночь пакъ долго жданный,
Издамеч, наконецъ
Ворошился Царь - отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣдѣ умерла.
Долго Царь былъ неушѣшенъ,
Но какъ бышь? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пуспой,
Царь женился на другой.

Правду молвишь, молодница
Ужъ и впрямъ была Царица:
Высока, спройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говоришь оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела,
Съ нимъ привѣшливо шушила,
И красуясь говорила:
»Свѣпъ мой, зеркальце! скажи,
»Да всю правду доложи:
»Я ль на свѣпъ всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
И ей зеркальце въ опивѣпъ:
»Ты, конечно, спору нѣпъ;

»Ты, Царица, всѣхъ милѣ,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ.«
И Царица хохоташъ,
И плечами пожимашъ,
И подмигивашъ глазами,
И прищелкивашъ перстами,
И вершѣшься подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.
Но Царевна молодая,
Тихомолкомъ разцвѣшяя,
Между шѣмъ росла, росла,
Поднялась — и разцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву крошкяго шакова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Свашъ прѣхалъ, Царь далъ слово,
А приданое гошова:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ шеремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
 Вошь Царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвилася съ нимъ:
 »Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 »Всѣхъ румяный и бѣлѣе?«
 Чшо же зеркальце въ отвѣтъ?
 »Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 »Но Царевна всѣхъ милѣе,
 »Всѣхъ румяный и бѣлѣе.«
 Какъ Царица ошпырыгнешъ,
 Да какъ ручку замахнешъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнешъ,
 Каблучкомъ - шо какъ припопиешъ!
 »Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Эшо врешъ ты мнѣ на зло.
 Какъ тягашся ей со мною?
 Я въ ней дурь - шо успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, чшо была;
 Часть IV.

Мать беременна сидѣла,
Да на спягъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Бышь во всемъ меня милѣй?
Признавайся: встѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мiръ; мнѣ ровной нѣптѣ.
Такъ - ли?« Зеркальце въ отвѣтъ:
»А Царевна все жъ милѣе,
Все жъ румяней и бѣлѣе.«
Дѣлашь нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Стынной дѣвушкѣ своей,
Везшь Царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставишь тамъ
На съденіе волкамъ.

Чоршть ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ Царевной
Вошь Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ шаковую даль свела,
Чшо Царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась. »Жизнь мол!
Въ чемь, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я Царица,
Я пожалую тебя.«
Та, въ душѣ ея любя,
Не убила, не связала,
Опшустила и сказала:
»Не кручинься, Богъ съ тобой.«
А сама пришла домой.
»Чшо?« сказала ей Царица,
»Гдѣ красавица - дѣвица?
— »Тамъ въ лѣсу, спонить одна,«
Отвѣчаетъ ей она;

«Крѣпко связаны ей локти,
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будешь ей терпѣть,
Легче будешь умереть.»

И молва презвонишь спала:
Дочка Царская пропала!
Тужить бѣдный Царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Осправляется въ дорогу
За красавицей - душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣсна молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;

Въ воропа вошла она,
На подворьѣ шишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А Царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И Царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крышья ковромъ,
Подъ свѣшными сполъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видишь дѣвица, что шупъ
Люди добрые живутъ;
Зпашъ, не будешъ ей обидно.
Никого межъ шѣмъ не видно.
Домъ Царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣшила Богу свѣчку,
Запопила жарко пещку,

На палати взобралась
И пихонько улеглась.

Часть обѣда приближался,
Топотъ по двору раздался :
Входящъ семь богашырей,
Семь румяныхъ усачей.
Спаршій молвилъ: »Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кшо - шо перемъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кшо - же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися :
Коль ты спарый человекъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ.
Коли парень ты румяный,
Брашець будешь намъ названный.
Коль спарушка, будь намъ мать,
Такъ и спанемъ величашь.

Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сесприца.»

И Царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдавала,
Въ поляхъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что - де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи пѣ спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносъ подавали.
Ошъ зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломивъ,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги ошдыхашъ

Ошпросилась на кровать.
Ошвели они дѣвницу
Вверхъ во свѣшлую свѣшницу,
И оставили одну
Ошходящую ко сну.

День за днемъ идешь, мелькая,
А Царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сърыхъ ушокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшишь,
Сорочина въ полѣ спѣшишь,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Ташарина ошсѣчь,
Иль вышравишь изъ лѣса
Пяшигорскаго Черкеса.

А хозяйшкой она
Въ перему межъ тѣмъ одна
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечашъ ей они.
Такъ идушѣ за днями дни.

Брашья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣшину
Разъ, лишъ шолько разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Спаршій молвилъ ей: »Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сесприца,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ, за себя
Взяшь шебя мы всѣ бы ради,
Да пельзя, шаьь Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сеспрою.

Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль поварь не по купцамъ?»

— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ Царевна говоритъ:
«Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойши живой мнѣ съ мѣспа.
Какъ мнѣ бышь? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Ошдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.

Братья молча посполяли,
Да въ запылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,»

Спаршій молвилъ поклонясь:

»Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ.« — »Я не сержуся,«
Тихо молвила она;
»И опказъ мой не вина.«
Женихи ей поклонились,
Пошихоньку удалились,
И согласно всѣ ояшь
Спали жипь да поживань.

Между тѣмъ Царица злая,
Про Царевну вспомяная,
Не могла проспшишь ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась ;
Наконецъ объ немъ хващилась
И пошла за нимъ, и съвѣ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красовашься снова спала,
И съ улыбкою сказала:

«Здравствуй, зеркальце ! скажи,
Да всю правду доложи :
Я ль на свѣшѣ всѣхъ милѣ,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ?»
И ей зеркальце въ отвѣшѣ :
«Ты прекрасна, спору нѣшѣ ;
Но живешь безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жѣ шебя милѣй.»
И Царица налешѣла
На Чернавку : «Какъ ты смѣла
Обманушь меня ? и въ чемъ ! . . . »
Та призналася во всемъ,
Такъ и пакъ. Царица злая,
Ей рогашкой угрожая,
Положила иль не житьъ,
Иль Царевну погубитьъ.
Разъ Царевна молодая,
Милыхъ брашьевъ поджидая,

Пряла, сидя подь окномъ.
Вдругъ сердито подь крыльцомъ
Песъ замаляъ, и дѣвица
Видишь : нищая черница
Ходишь по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,»
Ей кричишь она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаешь ей черница :
«Охъ ты, дилляшко дѣвица !
Песъ прокляшый одоляъ,
Чуть до смерти не заляъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочепъ !
Видь ко мнѣ.» — Царевна хочепъ
Видши къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подь ноги — и лаепъ,
И къ спарухѣ не пускаепъ ;

Лишь поидетъ спаруха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На спаруху. Чшо за чудо?
«Видно выпался онъ худо,
Ей Царевна говоритъ ;
«На жъ, лови!» и хлѣбъ лепитъ.
Спарушонка хлѣбъ поймала ;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови ;
Вопъ за шо тебѣ, лови!»
И къ Царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко лепитъ. . . .
Песъ какъ прыгнешъ, завизжитъ. . . .
Но Царевна въ обѣ руки,
Хвашъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,
Спарушоночка сказала,
Поклоилась и пропала.

И съ Царевной на крыльцо
Песъ бѣжипъ и ей въ лицо
Жалко смошрптъ, грозно воешъ,
Словно сердце песье ноешъ,
Словно хочешъ ей сказать :
Брось ! Она его ласкаетъ,
Треплетъ нѣжною рукою ;
Чпо, Соколко, чпо съ тобою ?
Лягъ ! и въ комнату вошла,
Дверь шпхонько заперла,
Подъ окно за пряжу съла
Ждашь хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спълаго полно,
Такъ свѣжо и шакъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будшо медомъ налилось !
Видны съмечки насквозь.
Подождашь она кошъла
До обѣда, не сперпѣла,

Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Пошихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила. . . .
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закашились глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала
И шиха, недвижна спала. . . .
Братья въ шу пору домой
Возвращались шолпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжипъ и ко двору
Лушь имъ кажешъ. Не къ добру !
Братья молвили; печали
Не миусмъ. Прискакали,

Входящъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Песъ на яблоко спремглавъ
 Съ лаемъ кинулся, озлился,
 Проглопнѣть его, свалился
 И издохъ. Напоено
 Было ядомъ знашь оно.
 Передъ мертвою Царевной
 Братья въ горести душевной
 Всѣ поникли головой,
 И съ моливною святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хоронить ее хотѣли
 И раздумали. Опа,
 Какъ подъ крылышкомъ у сна,
 Такъ пиха, свѣжа лежала,
 Чшо лишь шолько не дышала.
 Ждали при дня, но она
 Не возстала ото сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный,
 Вошъ они во гробъ хрустальный
 Часть IV.

Трупъ Царевны молодой
Положили, и полпой
Понесли въ Пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугуныхъ тамъ
Оспорожно привинтили
И рѣшеткой оградили ;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ : «Сни во гробъ ;
Вдругъ погасла, жертвой злобъ,
На землѣ швоя краса ;
Духъ твой примушь небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»
Въ пошъ же день Царица злая,
Доброй вѣспи ожидаля,

Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, Царица, спору нѣтъ,
 Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своей
 Королевичъ Елисей
 Между шѣмъ по свѣшу скачешъ.
 Нѣтъ какъ нѣтъ! Опъ горько плачешъ,
 И кого не спроситъ онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудрентъ;
 Кто въ глаза ему смѣется,
 Кто скорѣе отвернешся;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обращился молодець.
 «Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь

Круглый годъ по небу, своднишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.« — »Свѣтъ пы мой,«
Красно солнце отвѣчало:
»Я Царевны не видало.
»Знашь ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
»Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
»Гдѣ нибудь ее да встрѣшилъ,
»Или слѣдъ ея замѣшилъ.«

Темной почки Елисей
Дождлся въ поскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
»Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!

Ты вспаешь во шмь глубокой,
Круглолицый, свшплооккой,
И обычай швой любя,
Звзды смошряшъ на тебя.
Аль ошкжешъ мнѣ въ ошвѣшъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣшъ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.« — »Брашецъ мой,«
Ошвѣчаешъ мѣсяцъ ясной:
»Не видалъ я дѣвы красной.
На спорожъ я спою
Только въ очередь мою.
Безъ меня Царевна видно
Пробъжала.« — »Какъ обидно!«
Королевичъ ошвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
»Погоди; объ ней бышъ можешъ
Въшеръ знаешъ. Онъ поможешъ.
Ты къ нему шеперь спупай,
Не печалься же, прощай.«

Елисей не унывая
Къ въпру кинулся, зывая:
»Въсперь, въсперь! Ты могучь,
Ты голяешь спани шучь,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на проспоръ,
Не боишься никого,
Кромъ Бога одного.
Аль опскажешь мнѣ въ опивѣшъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣшъ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ея.« — »Поспой,«
Опивѣчаетъ въсперь буйный:
»Тамъ за рѣчкой пихоспруйной
Есть высокая гора,
Въ ней глубокая нора;
Въ шой норѣ, во пмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между сполбовъ.
Не видашь ни чьихъ слѣдовъ

Вкругъ того пустаго мѣста,
Въ шомъ гробу пвоя невѣста.»

Вѣперъ далъ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошолъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣспу
Посмотрѣшь еще хошь разъ.
Вошь идешь; и поднялась
Передъ нимъ гора крушная;
Вкругъ нее страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ шуда скорѣй идешь.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ шомъ
Спипъ Царевна вѣчнымъ сномъ.
И о гробъ невѣспы милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ

Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
»Какъ же долго я спала!
И встаепь она изъ гроба
Ахъ! . . . и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее берепъ
И на свѣпъ изъ пмы несепъ,
И бесѣдуа пріятно,
Въ пушь пускающа обратно,
И шрубипъ уже молва:
Дочка Царская жива!

Дома въ шу пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: »Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»

И услышала въ отвѣстѣ:
»Ты прекрасна, слова нѣштъ,
Но Царевна все жъ милѣе,
Все румяней и бѣлѣе.«
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И Царевну повстрѣчала.
Тутъ ее поска взяла
И Царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу потчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣчался Елисей;
И пикшо съ начала міра
Не видалъ такога пира;
Я шамъ былъ, медъ пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.
